

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КЫРГЫЗОВ ПО АДАТУ

Б.И. Борубаиов – профессор

Исследование обычного права кыргызов позволяет выявить закономерности правового развития Кыргызстана, а также восполнить пробелы в освещении исторического развития права в стране. Правовые взгляды кыргызов по вопросам имущественного и наследственного права в том виде, как они выяснились в нормах адата, является предметом изучения настоящей статьи.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Кыргызстане основой производственных отношений была частная собственность. Частная собственность на главные средства производства –

землю и скот являлась основой экономических отношений. Царское правительство объявило всю землю собственностью государства, у кыргызов оставалась частная собственность на скот.

Предметом частной собственности служило все, что может быть передано путем продажи, мены, дарения или наследования. Для возбуждения дела о признании права собственности давности не существовало. Владение охранялось самим владельцем и в случае нарушения его восстанавливалось судом по жалобе потерпевшего. Никакая давность не покрывала неправильного владения.

Принимать на себя личные или имущественные обязательства могло лицо мужского пола, за исключением состоящих под опекой и невыделенных членов семьи. Родовое имущество не могло быть предметом имущественных сделок.

Объектом имущественных отношений являлись вещи и действия других лиц. Имущество подразделялось на движимое и недвижимое, делимое и неделимое, главную вещь и принадлежность, дозволенное к употреблению и недозволенное.

Всякий самостоятельный юртовладелец мог отчуждать свое имущество путем дарения, однако в размере со своим имущественным положением. Дарение считалось, за исключением указанных ниже случаев, совершенным безвозвратно. Родовое имущество не подлежало отчуждению путем дарения. Дарение, совершенное вопреки изложенным правилам (например, невыделенным сыном, лицом, находящимся под опекой, или женщиной), признавалось недействительным, а дар мог быть потребован обратно. Если дар был учинен при заключении союза дружбы (тамырство), и в годичный срок не последовало ответного дара, то даритель был вправе потребовать через суд возвращения дара или возмещения его стоимости. Если радостное известие, за которое принесшему его был сделан подарок (суюнча), оказывалось неверным, то даритель также вправе был потребовать возвращения дара или возмещения его стоимости через суд. В Сырдарьинской области лицо, оказавшее кому-либо материальную поддержку в несчастье (например, в случае пожара, падежа скота и т.п.) был вправе, когда с ним случится подобное же несчастье, требовать через суд такого же подарка.

Дарение считалось совершившимся с момента фактической передачи дара, одно обещание подарить не связывало обещавшего. За похищение дара у принявшего его даритель лично наказанию не подвергался, но обязан был по требованию потерпевшего возратить похищенное или возместить его стоимость.

Имущество умершего киргиза являлось собственностью его сыновей, внуков, а если их

нет – братьев и т.д. Умиравший, при всем желании, не мог нарушить этот обычай, т.е. он не мог лишить наследников наследства, и если даже и завещал свое имущество кому-либо, то завещание не исполнялось и все поступало в собственность прямых наследников.

После смерти наследодателя наследство делили следующим образом: из общего достояния выделяли приданое, полученное сыновьями за жен, затем скот и из имущества выделяли приданое сестрам. Остальное делили поровну между матерью и всеми детьми мужского пола. Если не было сыновей, то раздел производился между женой умершего и его ближайшими родственниками мужского пола в равной доле, а после смерти жены – между ближайшими родственниками мужа. Если после умершего осталась мать, то ей присуждалась половина имущества сына, а остальную половину делили между ближайшими родственниками поровну¹.

Завещание могло быть составлено только лицом, имеющим право отчуждать свое имущество и находящимся в здравом уме. Свободному завещательному распоряжению подлежала только треть имущества, оставшаяся после уплаты долгов завещателя и расходов на погребение. В завещание не могли быть включены: недвижимое имущество, находящееся в пределах родовых стойбищ, юрта, в которой жили предки, со всем ее убранством и утварью, а также доспехи предков.

Наследниками по завещанию могли быть как физические лица и, притом, независимо от национальности, возраста и пола, так и юридические. Завещание могло быть словесное и письменное, в обоих случаях для действительности его требовалось, чтобы воля завещателя была объявлена в присутствии большинства наследников или двух свидетелей из числа старших родственников завещателя или посторонних лиц, известных своей благонадежностью. Завещатель вправе изменить и совсем уничтожить первоначально составленное завещание. Но акт изменения или уничтожения должен быть совершен в присутствии наследников по изменяемому или уничтожаемому завещанию и двух свидетелей. Для действительности завещания не требовалось, чтобы все завещаемые предметы были переименованы. Воля завещателя могла быть в этом случае выражена, например, фразой: “Завещаю такому-то вещей на такую-то сумму”.

¹ Эреже Токмоцкого чрезвычайного съезда // Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов. – Бишкек, 2000. – С. 276–277.

Предварительно исполнение завещания, достоверность его устанавливались старшими родственниками умершего путем опроса свидетелей, после чего подлинность завещания не могла быть оспариваема. Завещание приводилось в исполнение путем передачи наследникам завещанного имущества при первом их посещении аула завещателя. Если для исполнения завещания наследодателем не было назначено особое лицо, то воля завещателя осуществлялась законными его наследниками. Если законные наследники мужского пола не достигли совершеннолетия и завещателем душеприказчик не назначен, то завещание приводилось в исполнение старшими родственниками умершего.

В случае обнаружения, после исполнения завещания, долговых обязательств наследодателя, наследники по завещанию отвечали перед кредиторами наравне с наследниками по обычаю.

Это право принадлежало исключительно мужчинам. Как делили наследство братья умершего, так делили и прочие родственники. Общий порядок наследства был таков: 1) сыновья, внуки, правнуки и т.д.; 2) братья, племянники и их потомство; 3) дяди и их потомство и т.д. «Вторая категория наследования, когда нет никого из первой, третья – когда нет никого из первой и второй. В каждой степени наследство делилось между всеми поровну»¹.

На наследство имели право одни мужчины; поэтому после отца наследовали сыновья, жены же и дочери никогда. Отделенные при жизни отца сыновья не имели никаких прав на наследство, если только были другие, не отделенные. Если же последних не было (это возможно только в случае смерти меньшего), то все имущество умершего переходило к отделенным сыновьям и делилось между ними поровну. Вдов же, если они не выходили замуж, и сестер они брали к себе, кормили и одевали их, а последних и замуж выдавали. Если у умершего было несколько отделенных жен, то сыновья наследовали только имущество своих матерей.

Младший сын не отделялся никогда и жил с матерью, поэтому после смерти отца он и получал все оставшееся от выдела своих братьев. Если у одной из отделенных жен умершего сыновей не было, то имущество и скот переходили к детям прочих жен, имеющих сыновей, и делились между ними поровну.

¹ Изразцов Н. Обычное право (Адат) кыргызов // Древний мир права казахов. Т. 6. – Алматы, 2005. – С. 394.

Сыновья умершего кыргыза вступали в права отца, и если бы, например, их дядя умер бездетным, то они наследовали бы имущество на тех же правах, как их отец. Если бы у умершего бездетного дяди был еще брат, то имущество делилось бы между этим братом и племянниками, причем последние получали долю несколько меньшую против доли первого. На вдову умершего дяди – тетку племянники имели, однако, менее прав, чем имел бы их отец, будь он жив. Именно тетка, помимо племянников, переходила следующему их дяде, и только если все братья умершего отказались или число вдов было более числа братьев, то иногда и племянники брали их. Однако, при жизни своего отца тетку брали редко – стыдились.

Имущество кыргыза, пропавшего без вести, делилось между наследниками точно так же, как и после смерти его. Однако если пропавший вернулся, то получал все обратно, но без жен, если они вышли замуж.

Имущество сумасшедшего наследовалось его сыновьями, которые и должны были заботиться о больном отце. За неимением сыновей вдова и имущество сумасшедшего переходили к ближайшим родственникам.

«Одним словом, наследство делилось между не отделенными сыновьями, нет их – между отделенными; если сыновей и их потомства нет, имущество переходило к братьям и их потомству, и так далее (дядям и их потомству, дедам) – все к мужчинам. Женщины не имели никаких прав на наследство. Наследниками после отца являлись его невыделенные сыновья, жившие при нем дочери, вдовы, отец, родная мать и мачехи.

Наследство составляет оставшееся после умершего имущество, за вычетом долгов наследодателя. Наследники участвуют в наследстве в следующих долях:

а) вдовы наследодателя – в $\frac{1}{10}$;

б) отец – в $\frac{1}{12}$;

в) жены отца – в $\frac{1}{12}$;

г) остальная часть распределялась между сыновьями и дочерьми наследодателя, причем мать получала вдвое больше дочери»².

Если отца наследодателя не было в живых, то доля его переходила к деду. Доля умершей матери, т.е. наследственная доля, переходила к жене деда наследодателя по мужской линии.

² Пален К.К. Обычное право кочевников // Древний мир права казахов. Т. 6. – Алматы, 2005 – С. 444.

Если сын наследодателя умер, но у него остались дети мужского пола, то они получали ту часть наследства, которую получил бы их отец. Этим правом не пользовались дети замужней дочери, жившей с мужем при отце. Если умирали невыделенные сыновья или они не имели мужского потомства, то наследство доставалось выделенным сыновьям или их детям мужского пола.

Если у наследодателя не было ни сыновей, ни их мужского потомства, то причитающаяся детям часть имущества распределялась поровну между дочерьми, живущими при отце. Если при открытии наследства налицо была только замужняя дочь, проживавшая с мужем у отца, то она получала половину наследственного имущества. Другая половина, или в случае отсутствия дочери, переходила к отцу наследодателя, деду, родным братьям, их сыновьям, родным дядям, родным племянникам и т.д., причем ближайшая степень родства исключала дальнейшую и между родственниками одной степени наследственное имущество распределялось поровну.

При переходе права наследования к братьям, дядям наследодателя и т.д., их мужское потомство пользовалось правом представления лишь в том случае, если не окажется в живых никого из братьев, дядей и т.д. Из числа родственников женского пола правом наследования пользовались жившие при нем дочери, вдовы, родная мать и мачехи, причем и эти лица, за исключением дочери, жившей у отца, приобретали только право пользования наследственными долями до выхода замуж или, если этого не последовало – пожизненно. После выхода замуж или после их смерти наследственные доли поступали к сонаследникам мужского пола.

Недвижимое имущество, находившееся в пределах родовых стойбищ, юрта, в которой жили предки, со всем ее убранством и утварью, а также доспехи предков переходили, независимо от наследственной доли, к младшему сыну старшей жены наследодателя или к его сыновьям в порядке старшинства, начиная с младшего, за отсутствием этих наследников – к следующему по старшинству брату или к его сыновьям и т.д. За отсутствием сыновей наследодателя и их сыновей, родовое имущество переходило к отцу, деду, дядям, двоюродным братьям и т.д. Если ко времени смерти наследодателя одна или несколько его вдов оказывались беременными, то раздел имущества откладывался до разрешения всех от бремени.

После принятия наследства, наследники отвечали перед кредиторами наследодателя

лишь в размере полученных долей, или если взыскание не превышало всего наследственного имущества – пропорционально этим долям.

Женщинам было отказано в праве иметь собственность, все, чем они владели, находилось во временном их пользовании. Это право принадлежало исключительно мужчинам. В случае спора между наследниками, наследство распределялось судьей.

Предметом займа могло служить всякое движимое имущество, не исключая денег, взимание процентов воспрещалось¹. Если денежный заем подлежал погашению возвратом, взамен денег, скота, то в договоре должно быть указано, какой именно скот, и по какой цене он принимается в уплату. Предметом залога служило всякое движимое имущество. Залог считался совершенным с момента фактической передачи имущества.

Нашедший утерянное имущество немедленно объявлял об этом своим однообщественникам, в противном случае, он мог быть обвинен в краже. В случае обнаружения в течение года хозяина найденной вещи, он обязан был вознаградить нашедшего по соглашению с ним. Если же соглашение не было достигнуто, то размер вознаграждения определялся судом, сверх вознаграждения хозяин найденной вещи возмещал нашедшему все расходы, понесенные за хранение имущества. До истечения годичного срока нашедший не вправе был пользоваться находкой. Если хозяин найденной вещи был обнаружен по истечении года со времени находки, он обязан был вознаградить нашедшего в размере половины стоимости найденного. Если нашедший – человек состоятельный, то он не был вправе требовать вознаграждения.

Право собственности, по кыргызскому адату, прекращалось, прежде всего, общими способами, установленными гражданским правом, а именно: 1) теми способами, которыми и приобреталось; 2) уничтожением вещи; 3) отречением собственника от его права; 4) принудительным отображением у собственника его имущества велением общественной власти.

К последнему способу относится *барымта*. Барымта похожа на конфискацию, известную гражданскому праву культурных народов. Но между ними имелась существенная разница. Конфискация – это отображение у собственника в казну его имущества в связи с преступлением, им совершенным, а барымта – отображение у

¹ Пален К.К. Указ. соч. – С. 447.

собственника его имущества по причине неисполнения обязательства, кроме того, барымта совершалась не в пользу казны, а в пользу лица, права которого собственником были нарушены. И производилась не органами государства, а самолично тем, чьи права должны быть возмещены.

К конфискации ближе всего по кыргызскому адату подходило лишение всего имущества вора, который после многих краж, несмотря на сопряженные с ним штрафы, не исправлялся, продолжая заниматься преступным ремеслом. Сюда же примыкало отобрание лошади у заведомого вора, отправляющегося на воровство.

Изучая имущественное и наследственное права по кыргызскому адату приходим к следующим главным выводам.

Кыргызский адат не знал деления имущества на движимое и недвижимое, землевладение подходило под понятие общинного владения. Полное право собственности с некоторыми ограничениями распространялось преимущественно на скот, строения, сады, колодцы, арыки и на предметы домашнего обихода.

Родовое начало оказало сильное влияние на частноправовые отношения кыргызов. Выражалось это главным образом в следующем: община несла имущественную ответственность на своего сочлена: отец – глава семьи, представитель ее интересов, истец и ответчик, он же пожизненно владел, пользовался и отчасти распоряжался семейной собственностью и имел право пользоваться имуществом выделенного сына. При известных условиях родичи могли пользоваться имуществом своего сочлена – дача сыну выдела обязательна, даже если отец прогонял его из дома, невыделенные дети не могли иметь своего имущества, родители могли завещать посторонним людям только незначительную долю имущества, а все остальное обязательно должно было поступить в наследство детям.

Право на чужую вещь неизвестно адату, добросовестные и недобросовестные владельцы

несли одинаковые последствия: предмет изымался из владения, больше же никакого штрафа не полагалось. У кыргызов не было приобретательной давности, но существовала исковая давность. Существовали обязательные подарки. Присяга считалась наилучшим средством для обнаружения истины.

Задатка и неустойки у кыргызов не существовало. Уголовной ответственности собственно не было, потому что все иски оканчивались гражданским удовлетворением.

Если долг был дан без расписки, но истец имел свидетелей, тогда долг и проценты возвращались, как было договорено. Если же проценты не оговорены, то сверх долга давали одного барана – тохты, за одну пятилетнюю лошадь в год¹.

За нанесение ущерба по неосторожности взыскивалось вознаграждение убытков. Если ущерб был нанесен с умыслом, кроме вознаграждения убытков полагался штраф. Случайный ущерб не влек за собой никакой ответственности, только поклажеприниматель отвечал за случайные повреждения и потерю аманата, если он выговорил право пользоваться вещью. Ущерб, причиненный умалишенными, взыскивался с родственников. По общему правилу, хозяин отвечал за ущерб, нанесенный его животными. При правонарушениях в известных случаях и до известных пределов допускались побои, на которые нельзя было жаловаться судье.

Таким образом, обычное право кыргызов и интерпретация его биями по вопросам регулирования имущественных отношений кыргызов по адату не лишены справедливых оснований, дельных суждений и находчивых решений в применении к условиям и потребностям кыргызской кочевой жизни.

¹ Эреже Токмокского чрезвычайного съезда // *Кожоналиев С.К.* Указ. соч. – С. 283.